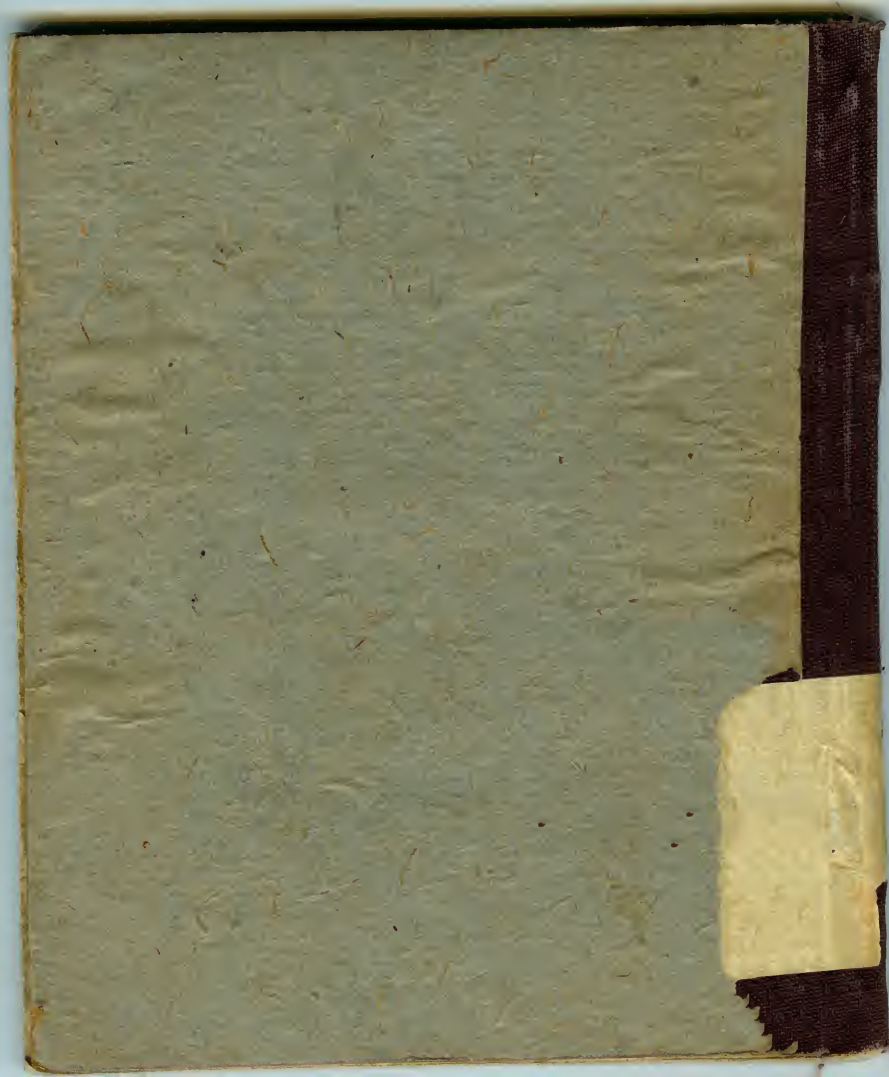

ТЫРЫНА, Иско

НАСЬКЫ УКРАИН
СЬКЫ КАЗКЫ

Якъ у насъ , якъ у насъ — пѣсьни да
казки :
Послухайте , добры люды , зъ вашои
ласкы. . .

Есть Университетской Типографии.

НАСЬКЫ

КРАИНСЬКЫ

КАЗКЫ,

ЗАПОРОЗЬЦЯ ИСККА

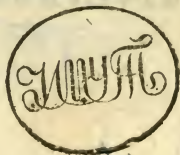
МАТЫРЫНКЫ.

МОСКВА.

РОКУ 1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по оппечатакии пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ
при экземплярѣ. Москва, Октябръ 19 го
дня, 1854 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

**МАТЕРИ МОЇЙ РИДНЕНЬКІЙ,
НЕНЬЦЬ СТАРЕНЬКІЙ ,
КОХАНІЙ, ЛЮБІЙ**

УКРАИНЬ.

RECEIVED FROM THE

LIBRARY OF THE

UNIVERSITY OF

STANFORD

...иногда ...
 ...иногда ...
 ...иногда ...
 ...иногда ...
 ...иногда ...
 ...иногда ...
 ...иногда ...
 ...иногда ...

— „Дывись! Дывись! Осёсь й
 наши зъ музыкамы! . . . Се що-сь
 да не просте: або-жъ весілья,
 або-жъ яка нѣмецька чудасія! За-
 порожець зъ Казками! . . . Чы не
 зъ неба оце, пане куме, винъ до
 насъ звалывся? Трохы, бацьця, на
 ше похоже! Ипъ ты й самъ, по-
 здаровъ Боже, знаешъ, що у насъ
 на Украинѣ давно-давно перевелыся
 ци башьковы хлопци: теперь ни-
 где й духу ихъ не пахне . . . И
 опъ-же, глянь, дывись, хочъ въ

VIII

обое, що шуша въ письмѣ спойшы:
 „Наськы казкы, Запорозыця Пська
 Матырынкы.“ А що? Убий, якъ
 кажущь-шо, да й выграй! Умри
 да й оженися!... А говорятъ лю-
 ды, — я самъ, своимы ушыма, не
 разъ чувъ —: „Чы чорниъ выдавъ,
 щобъ вѣдьмиць щебешавъ?“ „Одже
 щебече!“..... „Да ще якъ щебече?...
 Все понаськы, понаськы! Слухай,
 лышень, мій голубе сызый!... Пу,
 ша ты въ школъ вчився; бери да
 чыпай на здоровячко! Свое, не чу-
 жее! Не бійсь, не кыслыця, а, на
 впрямъ, куды пивоя годыцьця зъ
 сыромъ й паланыця!... Разъ по
 пашь верщаюсь назадъ, чыщаю по-
 начытаюсь, гляжу не нагложусь —
 шаке ласе!... Дяковашь, багацько
 дуже дяковашь, небожу Запорозыцю,

IX

що хочъ винъ за насъ оступився
 зъ домовины видхвапывся, на сей
 свѣпъ ввалывся, та й ну балака-
 пы зъ живыми якъ зъ мерпвыми:
 мовъ бы, кажы, николы не вми-
 равъ!... Мовъ мижъ своимъ брата-
 мы сыдыпъ въ куцьцѣ де-либудь въ
 степу, розказуе, покы каша варыць-
 ця, свою чередню Казку, або похо-
 деньку, або яку небельцю, а пѣ —
 ни гугу! Заслухалысь щебетанья
 писля свого Козацького Лепанья.
 Ничого сказашъ: имъ и влося по-
 нимъ лучше! А тамъ — вляпъ
 за те-жъ: часшесенько не зпам-
 няцяця було, якъ й свѣпъ къ имъ
 зыккрадеця... А мы-жъ, мы? Що
 робимо мы теперъ, дома й на госпо-
 дѣ? Що мовать про насъ наши вну-
 чаша? „Дѣды, наци, — скажущь.

воны,—сыдѣлы собѣ, да шилькы гавы
ловылы!...“ „Опшакъ! За всѣ голо-
вы!... Хыбажъ, оце, наша ненья Украи-
на шакъ зъ глузду зсунулась, що вже
ни мешельци не потаньцюе, ни
козачька зъ парубкомъ не прогар-
цюе? Ой ни, пане куме, вона хоча
й старенька, да все такы ще геть-
шо моторненька . . . А дѣшны ін?
Хыба й воны зледащили? Хыба
воны забулы, якъ колы-сь весело
бурлаковалы, хвацько козаковалы,
въ Крыму й на Дону чумаковалы?
Хыба мы й доси ще не згадуемо
свого Батька Богдана,

Якъ Польщу винъ, колы-сь, прощывъ,
Де ни піймавъ Ляхивъ, — душывъ?

Якъ наши козаченькы всюды
залицялысь: въ Волощынѣ, Туре-
щынѣ, Нѣмещынѣ, Крыму, на Сы-

XI

нимъ морѣ и по шимъ боцѣ моря,
якъ шій свѣшлыи соколонькы про-
свѣщались? — Або й шеперь, хы-
ба вжебъ шо мы перевчылыся воё-
вашы? Дарма, що въ шій пѣснѣ
спѣвають :

Давже шабли заржавѣлы,
Мушкеты — безъ куркивъ . . .

Слухай, що далѣ?

„А ще сердце козацькее
Не боицьця Туркивъ! . . .“

Бачъ? Не боицьця Туркивъ! Да
не шилькы Туркивъ, й самого най-
старшого чорша, Пане-брате! . . .
Або, хыба такы мы не хороше
живемо? А де, лышень, знайдешъ,
ты шакіи розмаишньи пѣснии, що
шилькы зачуешъ, такъ сердце шо-

бѣ ходоромъ и заходыть, заплѣ,
 замѣ, серденька просыть. . . Та-
 кую хлѣбъ-силъ, такихъ дѣвонѣкъ
 и парубяшь? Де, на свѣтъ, шакъ
 балакають? Нибы въ рошъ шобѣ
 кожне слово кладуть. Де спилъкы
 казокъ, приказокъ, загадокъ и
 всякои всячины? . . . Я вже мовчу
 про нашу землю, про наши поля,
 сады, лугы, степы, рѣчки, про
 наше збѣжжя Що и доси
 ништо не схаменецьця, не гляне
 да не подывицьця на сее? Мій Бо-
 же, Боже! Чымъ же мы прошко-
 дылысь? Хыба - жъ - то вже у
 насъ душа зъ лопуцька, не хоче
 того, чого и людська? . . . Ни!
 ни! Въ госпяхъ добре, якъ-то
 кажуть, а дома-ще лучче.

XIII

Чы, може, хочете дождацца, щобъ
лкій врагъ непруженный нашою
бацькивщиною поживився? Насъ
же да нашымъ же добромъ почаespo-
вавъ? Улизъ у солому да ще й
шелыспышъ? А, здаецця, неза-
баромъ тее буде. Бо, що-сь, не
передъ добромъ, якъ я бачу, сякы-
пакы, немазаны хвершыкы шля-
юцца часпесенько уже промижъ
намы. Глядишъ, лышень, щобъ
воны зъ нашого жъ хворосту да
не загнулы намъ якон чуденной кар-
лючкы! Опъ-шо-шо буде сорому-
сорому, за всѣ головы сорому!..» (*)

(*) *Прим. Корректора.* Сими словами
Папъ Голова напѣкае на нерадѣіе
своихъ соопечесвенниковъ къ собранію

Оттакъ , неспеметно , бала-
кавъ у себе у господѣ , зъ Выбор-
нымъ , своимъ кумомъ , Варвынсь-
кий голова, Лесько Тарануха, кото-
рому я для прощенья давъ оцъ-
ци, якы ни е воны, Казкы,—компо-
нованья шоварыша и кума мого ,
Запорозьця Пська Машырынкы. Де
и що винъ шеперь? сёго вамъ я
не скажу; бо й самъ не знаю; знаю,
пилькы, що винъ, якъ бувъ собѣ
непосыдачый, рокивъ шистъ пому
назадъ , дуже бажавъ якъ - нибудь

и изданію Украинскихъ народностей.
Сѣшованіе его, конечно, не безъ основанія;
ибо легко можешъ случисься, что и
здѣсь, какъ и во многихъ другихъ зе-
мляхъ, кто-нибудь изъ посипоровнихъ
предупредишь ихъ на семъ поприщѣ.

XV

пробрацца або за Дунай, або на
Тамань, якъ своимъ братамъ, ко-
закамъ-орламъ. Одъ того часу я
уже бильше ёго не бачывъ. Може
винъ де-нибудъ и пануе, — дай-то
ёму Боже! а може, козакъ — не-
вдаха, на чужынъ горюе, або-жъ
забышый лежыть,

На купынь головою,

Накрывъ очи муравою,

А пиженькы осокою,

Бьмы ручки густыною,

Ясне лычко кыпайкою;

Въ головонькахъ воронъ кряче,

А въ ниженькахъ коньикъ плаче! . . .

Доходывся, докозаковався, покы
пакы, якъ шой жовпый лыспъ,
на землю звалывся; оженився, не-
бижъ, —

XVI

Да понявъ собѣ паняночку —
Въ чыстимъ полѣ земляночку;
Куды й вѣтеръ не вѣе
И сонце не грѣе
Безъ виконецъ и безъ дверецъ —
Тамъ спышь козакъ — молодець

Якѣ бы шо ни було, чы живѣ, чы
вмерѣ винѣ, а я, щобѣ паняны
ѣго не зустѣмъ, слызла зъ свѣта,
задумавъ выпечашапы, на первый
почынѣ, ци ѣго казкы; а шамѣ,
колы воны прыйдуцьця понушру
нашому козацству, — якѣ Пану Го-
ловѣ, — выпечашаю ище дещо ѣго жѣ
робошы. Правду мовышь, кумѣ мій
ничого самѣ на папирѣ не клавѣ;
але булы добры люды, шо вы-
слухавшы було ѣго казанья, або
спѣванья, пислѣ того записывалы

XVII

Зыркъ почимъ собѣ, — ажъ таковы
гешь-то, гешь виршованья ёго
набралося! . . . Налагодившысь оди-
слашы Казки въ печашню, довго
я мудровавъ, дебъ мынѣ въ свѣ-
поньку достаты пош пачепортъ
(якъ - то водыця по вѣмъ усю-
дамъ), щобъ, бува, якый-нибудь ца-
рынный (*), не заставывъ ихъ кры
свои царыны глаголы чыпашы,
бо, якъ въ шій пѣсьнѣ спѣвають:

(*) *Примѣч. Корректора.* Можеть
быть, книга эта попадетъ въ руки и
не - *Малороссійнѣ*; для таковыхъ
считаемъ нужнымъ замѣтить, что
царыною называются въ Украинѣ сель-
скіе шлагбаумы; аѣшомъ строился око-
ло ихъ шалашъ, въ кошоромъ кочуетъ,
въ продолженіе всего лѣта, но боль-

XVIII

Добре було да чумаковашы, помы всю-
ды було ривно ,
А то вже через тшы *пазпорты* да й
ходыпы не вильно . . . (*)

Воно бѣ й самому можна вымудру-
вашы що-нибудь похоже на паче-
поршыкъ , бо шакы й мы колысь
рокивъ зъ дванадцять попоперлы
порогы въ Переясловськѣй Бурсѣ ,
и де-що розумѣлы, — да, признаць-
ця, вся ша дурныця, якъ прышлося
одружыцьця , дымомъ зъ козацкон

шей частыи старикъ , именуемый отъ
того *царынымъ*. Онъ смотрить ,
чтобы всегда были заперты вороша ,
чтобы скошъ изъ селенія не бѣжалъ въ
хлѣба , и пр.

(*) См. *Укр. нар. пѣсни*, изд. М. Макси-
мовичемъ, стр. 174, No 46.

XIX

головы вышла : вы самы знаєте
що жонапый ,

Якъ той горщычокъ щербатый :
Зысподу кыпыть , зверху збѣгае,
Де ни повернеця — добра не мае...

Така вже, мабушь, наша долл!.....
Разъ идучы за однимъ дѣломъ до
свого кума , Пана Головы , я ще
въ сѣняхъ зачувъ , що мій Лесько
що-то 'дуже зъ кимъ-сь розбала-
кався : опъ я й ну на пидслухы
(щожъ? и се, инколы, не ва-
дышь!....), — ша й выслухавъ все
це, що оп-шущъ попередъ сѣго напы-
савъ . . . на чію-то голову? . . .
Чы воно добре, чы ни, про те пись-
менны нехай шямлять. Яжъ шиль-
кы прымовлюсь шуща , що колы
буде чія ласка , чышайте, на-

XX

бильше, шеперь, выбачайте; а
лучче всёго, на чужый коровай,
якъ-шо кажушь, очей не порывай
а свій дбай. . . .

... на 26 января — в 10 часов **И. В.**

М. Варва.

1854.

КАЗКА

ПРО ЦАРИВЪ САДЪ ДА ЖЫВУЮ

СУПИЛОЧКУ.

И М В А

ПРО СВАДЬБУ СЪЗДАЮЩИ

Лучше свое латане, вижъ чужее
хваташе.

СВЯТЫЙ

Чуже добро бокомъ выльзе...

Якъ живъ собѣ Царь да Царыця,
Да не було у ихъ дѣшей,
Отъ, бѣдныи, и ну журыцьця,
Давай пытаты знахорей:
»Скажишь намъ, добры люде,
Чы, справди, въ насъ не буде
До вѣку вѣчного дѣтокъ?
Чы, може, шилькы се на срокъ...«
—»Не бѣдкайтесь!« имъ дѣдъ говорыть,
»Царыця швыдко - худко родышь,
Царевъ батьку прѣхъ сынивъ:
Пзъ ихъ два будуць розумъ мѣты,
А претпій, — нѣгде правды дѣшы, —

Що жъ? дурень! такъ, бачь, Бигъ судывъ!...
 Якъ винъ сказавъ, пакъ и зробылось :
 До року пры сыны родылось ;
 Роступъ, нибы зъ воды идупъ ,
 Де, въ Бога, сылу шу берушь . . .
 Не пакъ якъ мы ростемъ годамы ;
 Вони — не днямы, а часамы :
 Ще вчора кожний бувъ хлопи ,
 Сёгодня глянъ — хороший парубя.
 Якъ выхоръ тай по полю прецьця —
 Куды спрѣло, куды брыло :
 Такъ кожний зъ ихъ, якъ розсвѣло —
 За зайцемъ на конѣ несецьця ;
 Або заглядѣвъ дычину, —
 Повзкомъ, повзкомъ, та зразу — гу!...
 Не те — зъ дѣвчапымы пустуе ,
 Умѣспѣ зъ ными пѣсьни пне ,
 На досвѣпкахъ загадки гне ;
 А дурень? — Крейдою маглое ,
 Знай, коныкы все на пецѣ ,
 Або изъ жыппа робыть греблю ,
 Або, кошыпъ, вамъ, повчучы ,
 Якъ зъ неба вгрѣцьця объ землю!...

Въ Царя бувъ дуже гарный садъ ;
 Винъ билыше всёго нымъ кохався ;
 И билыше всёго велычався ;
 Та й прыбранный бо бувъ гараздъ !
 Тамъ яблука рослы и глывы ,
 И Шпанськы ягоды , и слывы ,
 И хвыты , виноградь , орѣхъ ,
 И опельсыпы , и калына ;
 Черемха , дули и малына ;
 Та хто ихъ въ Бога счыслыть вѣсхъ ?
 Поричкы , агрусь и суныця ,
 И вышны прѣдцяпы сорпивъ ,
 Шовковыця и полуныця ;
 А скільки встоды пѣхъ цѣпивъ !
 Кануперь , мяппа и нагѣдки ,
 И крученны панычи ;
 Зинзиверь , царськѣ боридкы ,
 Що розцѣпаюпы у ночи ,
 Оксамыпъ , пѣвныкы , любыстокъ ,
 Нечосы - панночкы цѣлы ,
 Биждерево и козій мыспыкъ ,
 Зъ барвинкомъ слався по земаъ ;
 Тамъ красовався чорнобрывецъ ,

Жовтогарячий рись гвоздыкъ ,
 Цвѣтъ Королёвый — гордельвещъ ,
 Бузокъ и чоловѣчій вѣкъ ;
 Пивонія и конвалія ,
 Троянда , руша и шевлія ;
 А ппашокъ , ппашокъ на гилькахъ !
 Мій Божоньку ! — поглянуть спрахъ !
 На ѳдному чыжъ , щыголь спѣвають ,
 Тамъ соловейко голосышь ;
 Тупъ канарейка верещышь ,
 А памъ гракы свою кругляють !
 Угору жайворонокъ вьещця ,
 Ось орлыця по мылимъ бьещця ,
 Тупъ пугачъ и зъ своимъ — пугу !
 А памычкы бугай — бугу ! . . .
 Зозуля жалибно ковае ,
 По грядкамъ пава похожае
 Нихто у садъ той не ходывъ ,
 Опречь Царя , копрый водывъ
 И то въ ряды-годы , Царыцю ;
 Тоди , бувало , ростелють
 Якъ снѣгъ той бѣлу скаперныцю ,
 Сѣго , того имъ принесуць

(Свою щобъ пидкрѣпыты душку) :
 Сметаны ; пирожкивъ , яецъ ,
 И меду золотый корецъ ,
 Родзынкивъ , ягидь на закуску .
 Часпенько Царь плусть оддыхавъ
 Прыпавъ Царыцѣ на колѣнця ,
 Тыхесенько винъ засыпавъ ;
 Се бачывшы , поди цариця ,
 Платочокъ въ бѣлы ручки взявъ ,
 Нымъ мухъ одъ ёго одганяла ,
 Або ёму головку ськяла ;
 Короче : саду , вамъ , тому
 Немае ривни и въ Крыму :
 Ёго ни здумашъ , ни згадашы ,
 Не пилькы въ казыцѣ розказашы .

И що жъ ? Де ни визьмысь кабанъ ;
 Зыркъ — въ садъ опивничъ чымчыкуе ! ...
 Поглянешъ враньци : садъ - майданъ !
 Не мовъ бы сонню лѣпъ пустуе ! ...
 »Хто кабана того убье
 (Було объявлено усюды)
 Тому пивъ-царсхва Царь дае

И первымъ по Царевъ буде.»
 Сперва охошныкивъ нашлось ;
 Пищмы—даба ! не удалось !
 Не те , щобъ ничною порою
 Кабанъ уже въ саду не рывъ , —
 Ни ! наши сплять ! Мовъ ихъ рукою !
 Хто , справди , мершвою обвивъ !
 И скільки въ садъ пой ни ходымы ,
 А кожний день , вамъ , те-жъ якъ те жъ !
 Що туша ты робить , почнешь ?
 Опъ , накинесь , Царя просымы ,
 Два старшии ёго сыны ,
 Щобъ имъ у садъ пищи дозвольвъ ;
 Царь думавъ , думавъ , та й увольвъ !...
 Помирковавшыся одны ,
 Въ походъ мерщине знярядылись ;
 Але , сердигы , якъ ни былысь ,
 А кабана такы й воны ,
 Не шилькы , щобъ ёго убышы ,
 Не довелось й поглядышы !
 Опъ дурень напоследокъ спавъ ,
 Просыщя въ садъ : »Гай-гай , небоже !
 Царь , смѣючысь , ёму сказавъ

«Куды такы побѣ? . . . А може! . . .
 Пущипь! не хай ёго иде! . . .
 Пишовъ нашъ дурень: жде - пожде;
 Вже пивничъ опть: винъ не дрмае;
 Колы, ажъ ось — кабанъ чухрае . . .
 Тыхисинько шась-шась, хрюкъ-хрюкъ! . . .
 И шильки зъ дурнемъ поривняся,
 Якъ той, хватывъ ружьницю, — пукъ! . . .
 Кабанъ предъ нымъ такъ и розпла-
 тався! . . .
 Тупъ дурень вспавъ, разъ-два зглянувъ,
 На землю сивъ собъ кры ёго убитый
 Та незабаромъ після того,
 На безголовячко, и заснуеъ . . .
 Опть спарщый браптькъ ёму дрийшовцы,
 И спячого ёго найшовшы,
 Одъ разу — хряпъ, да шильки и живъ!
 И добру вырывшы могилу,
 Чыспесенько ёго зарывъ,
 А памъ запрѣгшы въ визь кобылу,
 Звалывъ на неи кабана,
 И прямо къ батьковъ въ будынкы . . .
 Царъ вѣру нявъ, и - все, до дна,

Общане, до волосыны,
 Одавъ ёму

Проходить день, другой, недѣля,
 А памъ ище — опъ стало двѣ;
 Въ брашеубійныка — весилья . . .
 А дурня, охъ! забулы всѣ! . . .
 И пилькы бѣ-шо ёго могыла
 (Якъ въ пій спѣвають пѣснь намя),
 У полѣ зѣ въпромъ говорила! . . .
 Опъ разъ, колы-сь, вивчарыкъ памъ,
 Вечирнѣи поры икъ рѣцѣ,
 Свои гнавъ наповаты вивьци:
 Гулькѣ на могылу — ажъ споить
 Высокая очерепына,
 Пряма якъ та въ бору соснына;
 Винъ къ ий шуды, да зразу — хвишь! . . .
 Попимъ обыспывшы гарненько,
 Супилочку скомпоновавъ
 И опъ, упершысь чыпурненько,
 Винъ пилькы що на ий загравъ, —
 Якъ тая й спала промовляшы,
 Скрызь слѣзы такъ ёго прохаты:

Да помалу-малу, выгтарыку, грай!
 Да не вразы мого ты серденька вкрай.
 При саду-саду братъ мене вбивъ,
 За того кабана, що въ саду рысь! ...

Осповбенѣвъ вивчарь - небижъ!
 Незна, сердечный, що чыныпы;
 Комуъ ни давъ въ ии свѣспѣпы, —
 Слова шобъ все пѣжъ якъ пѣжъ! ...
 Тоди подумавъ, погадавши,
 Поплився зъ нею и къ Царю,
 И слугамъ объ собѣ сказавшы
 Прохавъ дозвольтъ вивчарю —
 Предспать предъ ёго свѣплы очи;
 А пѣ ёму — пождать до ночи
 Видмовылы: „Бо, бачъ, нема
 Царя у себе у господѣ:
 Де-сь зъ ранку їздыть на охотъ, —
 Царыця зосталась сама. « ...
 — Пуститъ же, хочъ, мене къ Царыцѣ:
 Нехай загра на сій супильцѣ,
 А тамъ за тымъ прыїде й Царь. «...»

Такъ слугамъ говоривъ вивчарь.
 Царыця гордосты не знала;
 „Введишь ёго“ — сказала — „къ намъ!“
 Опть прыпулыла икъ губкамъ,
 А шая ий такъ й заспѣвала :

*„Да помалу-малу, матусенько, грай!“
 Да не вразы моготы серденька вкрай,
 При саду-саду братъ мене вбивъ,
 За того кабана, що въ саду рысь!“..*

Задумалася писля сёго
 Царыця, и пыпа: „Про кого
 Вопа, опце, мынѣ шакъ грае? ..“
 На пору шу Царь знагодывсь;
 „Пу, одже, добре, що лучывсь!
 Ось на, лышень! що заспѣвае
 Тобѣ супилочка оця!“
 — „Ке, галонько, я подивлюся!“
 „Охъ, серденько, я що-сь боюся ..“
 Така сумна, що й доси я ..“

*»Да помалу-малу, мій батеньку, грай!
Дане вразы мого, ты, серденька вкрай!*

*При саду-саду братъ мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ!...«*

» — Э, глянь же! Батьку ёго прясця!...
Тутъ, мабуть, що-сь наке ша е!

Хопѣлось бы мынѣ дизацяця,

Чы по чуже, чы по свое! . . .

А ну, заграй ище ты, сынку!»

Винъ спаршому проговорывъ;

Того цыганський пипъ схватывъ,

Не спямывся, якъ й взявъ супиакъ: . . .

*»Да помалу-малу, мій братику, грай!
Дане вразы мого, ты, серденька вкрай!*

*При саду-саду ты-жъ мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ?...«*

Ще винъ не вспѣвъ всѣго дограпы, —
Запрясся якъ осыный лысть;

Куды дѣвався той и хысь! . . .

•Ряпуй!... и — брязнувсь середъ хапы!..

Дыпвора, жинка, машы — въ крыкъ!...
 Къ ёму — ажъ коломъ спавъ языкъ!...
 Тоди всѣ заразы догадались,
 Одъ чого винъ такъ худко павъ;
 «Опъ, бачъ! Хочъ пизно,» — Царь ска-
 завъ, —
 «А все такы мы розквыпалысь!...
 Не плачьте жъ! Годи!... Жинко! Геть!...
 Поганому — погана й смерть!.....»

КАЗКА

ПРО ДУРНЯ ДА ЁГО КОНЯ:

**СРИБНА ШЕРСТЫНКА, ЗОЛОТА ШЕР-
СТЫНКА.**

Эге! Не веѣмъ же въ дурія ѿ вдацьца!...

81
Колы-сь, давно, живъ чоловѣкъ;
А якъ давно? Щобъ не збрехашы,
Тому проходыишь сѣмый вѣкъ;
Жывъ-жывъ, прышлося умирашы.
Винъ, якъ и мы, бувъ Хрыспянынь,
Тыей жъ цѣрквы щырый сынъ;
Дакъ, опть, передъ смертельнымъ часомъ,
Винъ одсоборовавшысь масломъ,
Трѣхъ пидзыва къ собѣ сынивь:
»Послухайте мене, лышь, дѣшпы!
Якъ вже не спане въ мене слизь,
Глядѣть, гарненько зхоронише;
Теперь ничего не даю,
А вмершы, васъ я обдѣлю;
Але изъ уговоромъ преба:

Якъ злѣзе ничъ на землю зъ неба ,
 Вы почередно ико мнѣ
 Тоди прыходьте на могилу ;
 Да пилькы щобъ булы одни , —
 И памъ вамъ дамъ богатство, сылу«....
 Сказавъ, хропнувъ и — бувъ такый!
 Сыны (розумныхъ два, якъ всюды ,
 Одынъ, а вжежъ не якъ! — дурный!)
 Якъ всѣ къ имъ изійшлыся люды ,
 Сховалы шапсуя свого ,
 И стали думать про ёго
 Последню волю : що початы ?
 Давай шупъ дурныка прохаты,
 Щобъ къ батьку винъ пишовъ за ихъ.
 •Ипъ ты ничогонько не маешь ?
 А въ нашихъ жинокъ одныхъ
 Чого , скажи , не насчытаешь ?
 Щобъ батько памъ побъ ни давъ —
 Твое, бо ты ёго доставъ!
 Такъ дурня - то вони прохалы ,
 Покры, пакы, ёго вблагалы
 Опъ череду уже женушь :
 Спары, малы къ йй выбѣгають ;

Коровы да быкы ревуць ,
 Теляць дѣвчата розлучаюць ;
 Опъ зъ поля йдуць гурпомъ женьци
 За нымы косари , гребци ;
 Опъ въ хатахъ всюды засвѣпымы ;
 На улыцю повыходымы
 Дѣвоцькы, хлопци, парубкы :
 Пустуюць , по жартуюць въ волю ,
 Знимаюць зъ мылыхъ спричечкы ,
 Говорять , шепчуть мижъ собою ;
 Прыпыхнуць , впаць заголосяць ;
 Всѣ парамы побѣ сыдяць .
 «Ану , пора ! Ты опизнывся !
 Гляды : онъ мѣсяць якъ пидбывся !»
 Вспаць дурень , спрепенувсь , пишовъ ;
 Замокля всюды , ни шышырхне ;
 Запыхъ дѣвоцькый перезовъ ,
 Хыба-шо де-не-де що пыкне
 Опъ винъ на кладбыще прыпливсь :
 На крестъ головою схымывсь ;
 Крутомъ-могылы бованіюць , —
 Въ могылахъ-тѣи жъ люды пляюць ;
 «Ташусеньку ! опъ одъ - же й я!»

— «Э! дуже добре, сынку, робышь!
 Да, бацьця, черидь не швоя,
 Ты не за себе се прыходышь:
 Бигь буде имь за те судышь,
 Що не сдохты на вѣспынь . . .
 Ну, слухай же, моя дыпына!
 Теперь пы вь свѣпѣ сыротына;
 Я надѣлю тебе за все;
 Ты чувь: покирнее телятко,
 Якъ кажуть-то, двѣ мапкы ссе;
 Даю пры волосынкы, серденятко,
 Оцци побѣ: ихъ бережы;
 Якъ преба буде, прыпалы —
 И спане кинь передь тобою,
 То зь срибною, то зь золотою
 Шерстынкою: пупь гране громь,
 А пы влизь вь праве ухо ёго,
 И вь лѣве — выйдешь Королёмь;
 Що забажаешь — буде всѣго;
 Гляды жь мене не забувай!
 Теперь, мій сыноньку, прощай!“
 Сказавь — и мовь-бы не бувало! . . .
 Опь незабаромь розсвѣпало:

Изъ досвѣпокъ дѣвчапа шлы;
 Вивчарь гнавъ череду безъ-лику;
 По полю бжолы, знай, гулы;
 Крычалы пѣвни кукурику! . . .
 Пиднявся дурень, па й побривъ
 Въ господоу; кры ворить зоспрѣвъ
 Ёго брапъ спаршый, и пымае:
 «Що! якъ?» А винъ, мовъ-бы не знае,
 Попливсь собѣ у хашу

Се дѣялося пры Царѣ,
 Которого, геть - геть, будынки
 Споялы на крушій горѣ,
 А въ ихъ, и шилькы бѣ-то дыпынky,—
 Одна дочка; сынивъ — Бигъ мавъ!
 Хочъ винъ якъ раю ихъ бажавъ;
 Эге! дочка! да ще яка?
 Хороша якъ проянда шая;
 Лыце — що сонечко швое! . . .
 Губкы якъ медъ солодки;
 Очыци карыи въ нее,
 Дугою надъ нымы бровонькы;
 Прямый пополѣвый спанокъ,
 И соловейка голосокъ;

А кучери по плечамъ выюцця —
 То ризно, вкупочку зберуцця. . . .
 Симнадыццпа теперь весна
 Одъ роду нашій шла Царивнѣ;
 Багацько свапалось — вона
 По гарбузу имъ, бо неривни.
 Опть Царь поспавыть сповѣь велѣвъ;
 На нѣмъ Царивну посадыть:
 »Хто видѣсця и доспане,
 Той шупть-же женихомъ ий спане!
 А сповѣь высокій, геть-куды!
 Ёго изъ мрамору зробылы,
 И обявылы, щобъ шуды
 Всѣь Лыцари попрыѣздылы.
 Де въ Бога той народъ набравсь!
 Немовъ базарь розщатовавсь:
 И шѣснява, и гукъ, и драча!
 Крыкъ, гвалтъ! Такая неспояча! . . .
 Тоди два старшыи брашы
 Пишлы дывыцця изъ жинкамы;
 А дурень — шожь. . . . »Куды-то пы?«
 — »Да, бачъ, въ березнякъ за грибами!« —
 Зайшовшы въ лѣсь у гущину, —

Шершынку прыпалывъ одну —
 И кипъ явысь; немовъ-бы зъ неба!
 »Що Паковъ моёму шреба?
 Тупъ дурень въ праве ухо влизъ —
 И, зразу, Королёмъ зробывся;
 Скикъ на коня; а пой — понись . . .
 Де шреба, духомъ опынвсь
 Глядышь, а Лыцарі кругомъ
 Гарцюють, знай, передъ сповбомъ;
 Розбѣгшыся, чимъ дужъ пидскачуть,
 А все Царивны не доскачуть
 Той розлешѣвшысь обь-земь-брыкъ!
 Той головою въ сповбъ огрѣвсь;
 Той навзычъ-лясь! чепвертый-зыркь!
 Якъ снипъ пой изъ коня зкопывсь!..
 Тупъ Лыцарь нашъ, де ни визьмысь,
 Якъ пой орель къ сповбу изыввсь!
 Царивну-хвашъ въ обь-дѣь руки!
 Цмокъ! цмокъ инъ въ гарячы губкы!
 Вона жъ — шыць перспынь золошый
 Ёму на палець, и еказала:
 »Теперь мынѣ ты не чужый!
 И пылно въ вичи заглядала

А опъ кинь ихъ къ Царю примчавъ:
 Легесенько Царивну знявъ,
 Поклонъ на всѣ чопыри боки,
 Да встремня скикъ, скорѣй навскокы!...

«Опъ побѣ на! Ловить! Ловить!...»
 Всѣ разомъ въ голосъ загукалы;
 Тупъ де-якы за нымъ у-слѣдъ
 Бѣжяпъ.... бѣжяпъ.... та не догналы!...

На другой день Царь розыславъ
 За Лыцаремъ слугъ на вздогону,
 И кожду хату приказавъ
 Оглядовать не те — дастъ гону!...
 «На пальцѣ перстынь буде мапъ,
 Весь золопый — ёго не зняпъ! . . . ,»
 Розсыпалысь воны, лѣтають;
 Ни ъдного двору не мынають;
 Опъ къ прѣмъ брапамъ воны прышлы, —
 Усѣ имъ пальци оглядѣлы:
 Щожъ? Якъ? — У дурня изнайшлы!
 Сердечныи попоропилы!

Але, бачь: ничего робыть;
 Пишлы Царевъ доложыть;
 А Царь дочку велѣвъ позвапы
 И — молодого показашы:
 Царивна въ плачь: »Цурь! Пекъ ёму!...
 Зиспанусь дѣвкою довѣку!
 Нехай не буду никому,
 Нижъ мужомъ мать сѣго калику!
 — »Ой, доню, ни!« — Царь ий сказавъ;
 »Винь пвѣй, бо самъ тебе доспавъ;
 Не рюмай же! Такая доля!
 На все е, певно, Божа воля!
 Гошовся завпра икъ вѣньцю!
 Дѣвычъ-вечирь сѣгодня буде;
 Позвапы швыдчѣй музыку всю!
 Да щобъ збиралыся и люде!«

Давно депь къ вечору звернувъ.
 Опъ ничь покрыла всѣ дороги;
 На небѣ мѣсяць, опъ, нырнувъ . . .
 Опъ высавывѣ зъ-за хмары рогы...
 Зиркы, те й дѣло, що юляпы:
 Покажуцця, па въ хмары вляпы;

Не мовъ бы вамъ у самимъ дѣлѣ,
 Дразнылы пѣхъ, що на весильмѣ:
 Якъ мѣсяць, — тежъ и молоды —
 Сюды - туды воны заглянуць;
 Якъ зироньки, — тежъ й дѣвоньки —
 То защебечуць, перестануць,
 То впиць почнуць, шо впиць мовчяць.
 Теперъ воны собѣ сыдяць
 За короваемъ, и спѣвають!
 Бо выльце вышы починають:

Поможы намъ, Боже!

Дыпля оддавати;

Поможы намъ, Боже!

Вылечкы почати.

Нихто не вгадає,

Що на выльцяхъ зяє;

Золошы корни, верхы,

Срибны лылеточки

Безъ вѣшперка мають,

Безъ сонечка зяють. . .

Выйды наша, Папко, погляды,

Чы хороши вылечкы извылы;

Колы нехороши — розирвемъ:

Мы щобъ кращи изовьемъ!“ . . .

Ничого ! наша молода
 Мовчыць , горюе якъ бѣда ! . . .
 И опъ подругы впяць спѣваюць ;
 Такъ ій словами промовляюць :

ПЕРВЫЙ РЯДЪ:

„Не сыды, Панио, бокомъ!
 Се-жъ тобѣ не-нарокомъ;
 Прысунься близенько,
 Дывысь хорошенько!“

ДРУГОЙ РЯДЪ:

„Не плачь, небого !
 Що йдешъ за ёго:
 Нехай, лишь, плаче вить, . . .“
 Що бере лыхо вѣ двирь. . . .

Але, якъ пѣсень ни шлы,
 А молодой не могли

Ни принычки розвеселышы :
 Да й якъ, паки, зъ нелюбомъ жыпы ?
 Зъ нелюбомъ ни поговорить ,
 Ни долею зъ нымъ подѣлыцца ,
 Ни серцемъ къ серцю попужыць ,
 Не-хопя въ вичи заглядѣцца ;
 Що день, що часъ, въ господѣ-громъ ,
 А тупъ - все пиде вамъ гайномъ. . . .
 «Ой ни! швидчій писокъ изыйде ,
 Нижъ за нелюбомъ счастья прыйде!..“
 Такъ говорила у викна
 Зъ собою наша молодая !
 Теперъ вона стоить одна ,
 Якъ на полѣ былынка тая ;
 Всѣ розійшлись , все вклялось спать ;
 Нигде ничего не чувають ;
 И тильки бѣ - то козацьке сонце
 Глядѣло зъ неба у виконце.
 Опть!.. цыть!.. Не-мовѣ-бы тужыць
 що-сь !
 Не-мовѣ-бы орлыця горкуе !
 Цсс ! . . . опть луною роздалось !
 Опть що-сь не-мовѣ-бы-то сумуе !

„Кохавъ мене башько, якъ бѣлу пополю:
Ой оддала мене машы въ пляжку неволю!

Ой машы, машы! що ты гадала,
Що за нелюба за-мижъ оддавала?...

Десь ты мене, машы, въ барвинку купала,
Купаючы прокльняла, щобъ доли не мала.

Ой машы и пр.

Десь ты мене, машы, на мѣснѣ купыла,
Що ты мене, моя машы, на вѣки виопыла.

Ой машы и пр.

Лучше жъ мышѣ, машы, плякый камень
зяпы,

А нижъ мышѣ изъ нелюбомъ да вѣкъ коро-
пашы.

Ой машы и пр.

Лучше жъ мышѣ, машы, горячъ камень ѣсты.
А нижъ мышѣ изъ нелюбомъ вечеряпы сѣсны...

Ой машы и пр.

Ни свѣтъ, въ недѣлю, ни зоря,
 Дружко у комнапу заглянувъ:
 Все пусто.... а къ вѣнцю пора, —
 Да молодой якъ въ воду канувъ!...
 Де винъ? куды и якъ дѣвась?
 Пропавъ и слѣдъ!... весь двирь пидьявсь...
 Царю, Царыцѣ доложили,
 Що молодого упустили.
 Якъ ни було бѣ, а хочъ и Царь,
 Хочъ у ёго всёго доспапно, —
 Але таки припасу жаль,
 Жаль, дуже жаль! все пиде марно!...
 А якъ-то хороше були,
 Усѣ зибрались погуляти!
 Весилья бѣ бучне ушляи;
 Якъ спали бѣ шпuky выкидашъ!...
 Теперъ заразъ весь ладъ пропавъ;
 Нибы мерпвець на спилъ упавъ!...
 Гай-гай! пы тее та онее,
 А Бигъ зусѣмъ тобѣ другее!...
 Колы, осѣ-сь орломъ лепышъ
 У двирь нашъ Лыцаръ, и крычышъ:
 «Добры-день вамъ, мои Панове!»

А що, чы все у васъ готове?
 Де мылая, кажиць, моя?
 Мабуць, бѣднессенька, горюе?..“
 Царыця, Царь и вся ридня
 Выходяць — винь ихъ встхъ цѣлуе;
 За нмы жъ туца на крыльце
 Й Царивна зъ нянькою иде:
 Вона ничогонько не знала, —
 А шильки—зыркь! — такъ къ ёму й
 пала. . .

Ой якъ же мицно обнима!
 Ой якъ же цупко рученькамы
 До серця свого прыгорпа!
 Своими карымы очамы
 Якъ пылно-по ёму глядыць!
 Голубонька! якъ лыспь дрыжыць! . . .
 Глянь — рученькамы обвылыся!
 Въ губонькы губкамы впылыся! . . .

Ошпупь-по вже й-къ вѣнцо пишылы:
 Передъ престомамъ Божымъ спалы,
 Тры разы кругомъ обвелы,
 На вѣкы ручки имъ звязалы. . . .
 И, опъ, вертаюцьця назадъ:

Спарый й малый весилью радъ;
Музыкы пѣсьни имъ играють,
А жиночки собѣ спѣвають:

„Ой мапы, мапы, мапы спарал!
Лешышь голубка зъ теплого края
Накрывай сполы ковраны;
Не саму йду — зъ друженьками.

Ой машинко-ушко!
Ворочайся хушко;
Сонечко низенько,
Дружечкы близенько! . . . “

Попимъ велькый бувъ бенкетъ:
Всѣхъ щырымъ сердцемъ Царь прыймае;
Паны пылы наливку, медъ,
Народъ горѣлочку круглая. . . .

И я шамъ бувъ;
И медъ я дувъ:
Но бородъ текло,
Да въ рошѣ не було! . . .

КАЗКА

**ПРО МАЛЕСЕНЬКОГО ЙВАСЯ, ЗМІЮ,
ДОЧКУ ІН ОЛЕСЮ ТА ЗАДНИХЪ
ГУСЕНЯТЪ.**

И. П. К. Н.

Хочъ мале, да узловате . . . :

И. П. К. Н.

И. П. К. Н.

Якъ живѣ собѣ дѣдъ да бабуса ,
И мавсь у ихъ одынь сынокъ :
Винь звався проспо Ивашокъ ;
Першь всего за ёго прыймуся .
Винь любая дыпына бувъ ,
Така , що ще нигде й нечувъ . .
Сыдышь собѣ , знай , все пыхенько ;
Никого пальцемъ не шоркне ;
Глядыть у ложку — не змыгне ;
Чы їсь , чы пье — все чыпуренько...
Мы жъ дѣшмы — бѣгаемъ , крычымъ :
Зимою гряджола пашымъ ,
Або громакъ , або санчяпа ,
Щобъ стрѣлкою зъ горы лепѣшь ;
Або — маршь кучкою глядѣшь ,
Якъ въ боки вѣлыся хлопяпа !
А якъ овсянка — чыркъ нидь нись :
„Покинь санки , берысь за визь !“

Чужы дѣшвора , власно мухы ,
 На двирь лепяпъ попустовашъ ;
 Давай въ опуку , швайку грапъ !
 Гепъ чобопы ! Гепъ и кожухы !
 Тупъ гылкы , каша , городокъ ,
 Хпо до павивъ , хпо до цурокъ ,
 Хпо булку въ дучечку гане ,
 Хпо у крагли , хпо у лозу ,
 Хпо въ шрояна , хпо у мету ,
 Хпо въ хрещыкъ зъ дѣвонькамы грае .
 Обѣдапы хочъ не просы
 Приспалы мовъ-бы до косы !
 Глядышъ — у пужьмиркы розбѣгмысь
 По цѣлому шобѣ селъ ;
 Тѣ одъ джгуша нибы въ огнѣ ;
 Тѣ въ шѣсну бабу заходымьсь ;
 Тѣ въ гуркала , шѣ въ маршалкы ,
 Тѣ въ кремняхы , а де-якы
 Колодязь ножыкомъ копають ;
 Тѣ въ горю-дуба , у гусей :
 Опъ вовкъ зикрався до дѣпей
 А тѣи сонце запускають !
 Увисинь пая-жъ пѣсня впапъ :

До скобзалкы, да до санчяпъ . . .

Инакъ зуѣмъ рисъ, годовався
Нашъ Иващокъ: винъ пилькы й знавъ
Смешанку, молочко вбиравъ,

Да въ човнѣ зъ шапомъ просвѣщався;
Бо змалечку привыкъ къ водѣ:

Часписинько ночей по двѣ
И вспавъ и лигъ собѣ у човнѣ;
Колы не зъ удкою, зъ сачкомъ,
Дакъ зъ вершою, изъ япиркомъ,
А шамъ въ госпуду й ѣде вповнѣ. . .

Такъ винъ день за день живъ да живъ,
Никуды зъ хапы не ходывъ,

Опричь, якъ я казавъ, ловышы,
Сперва овсяночку, а шамъ

Давався знацьця й пливочкамъ;
Щобъ неньцѣ що було варышы.

Зъ другымы жъ дѣшмы винъ не знавсь,
И въ грыща зъ имы не вязавсь:

Мовъ-бы, побѣ, другого роду,
Мовъ-бы, кажись, письменый бувъ!

А пожъ-й про вжыцю нечувъ;
И пилькы бѣ-шо и знавъ, що воду! . . .

Було колы якъ розъѣжжае, —
 То машинка гноди ёго,
 Набравшы въ ковшыкъ усёго,
 Несе къ ёму, и такъ спѣвае:

„Сынку-сыяку, Ивашечку!
 Приплынь-приплынь якъ бережку!
 Несу побѣтшы, кытшы,
 И хороше походышы. . . “

И опѣ лебедонькомъ плыве:
 Поѣсть, попье, и впяць польне. . . .
 Такъ все въ обѣднюю годину,
 Вона кормыла Ивася;
 Але! разъ гаспыдська змѣя
 Назырыла ии дышыну:
 Ну мудрувати, якъ бы доспати,
 Якъ Ивася бѣ-шо въ лабѣшы взяць..
 И шупа зъ дуру, нависная,
 И собѣ спѣвати якъ мамы — ну!
 И всебѣ-шо пѣсню шужь одну
 Да голосомъ була не тая:
 Бабуся тонко, геть, спѣва, —
 Вона жъ нибы бугай ревла:

„Сынку-сынку, Ивашечку !

Приплынь, приплынь икъ бережку;
Несу шобъ тѣсны, пышы ,
И хороше походышы.

Але, горлыще якъ ни драла ,
А Йвашечко не прыплывавъ . . .
Тоди , шобъ захидъ не пропавъ ,
Икъ ковалю помандровала :

„Ковалю-ковалю ! мѣшокъ
Мерцій надуй, и голосокъ
Мыцъ изкуй , шакый якъ мае
Ивася мапы, а не ше ,
Якъ разъ да два изъѣмъ тебе ! “ . . .

Коваль за мѣхъ — и надуває ,
Клищамы пѣгне за языкъ ,
А молошъ по ёму — дзыгъ-дзыгъ ! . . .
И опъ змѣя худчій икъ рѣщыцъ :
Спѣває тонкымъ голоскомъ ,
А Ивась, глянй, и — гребе весломъ . . .
Попавсь, небижъ, якъ мышъ въ заѣщъ ! . . .
Тоди изъ нымъ — шарахъ у биръ, —
А въ борѣ шимъ бувъ еи двиръ, —

Двирь сей надъ кручею маячывъ;
 Внизу ревѣла, мовѣ вѣдмида,
 Сердыпа рѣчка у всю хипъ;
 Кругомъ все пуца; пилькы й бачывъ,
 На одшиби споявъ ѳдынь ѳдымъ,
 Высокій дубъ; а памъ, за нымъ,
 Якъ тая гася-проспяглася,
 Лужына шовкова гепъ-гепъ
 А памъ къ будынкамъ спежка-верпъ!...
 Куды й внесла змѣя Ивася.
 Въ ии, мыланочка, дочка,
 Ни дапъ ни взяпъ, була така,
 Якъ Ивашокъ; а ей звалы —
 Оленкою: бо поже й въ змѣй,
 Ма-бупъ, якъ въ насъ, е йменныкъ свѣй...
 Тупъ радыщця зъ собою спалы —
 Дочка и мапы, якъ звеспы
 Ивася зъ свѣгна: „Ну, спекшы!“
 Сказала мапы своѣй доньцѣ;
 „Гляды мынъ, покы вернусь,
 Щобъ Йвась уже не ворохнусь!“ . . .
 Опъ та ёго й веде къ лопащцѣ;
 Сажа, а винъ и ну бочкомъ,

То догоры, то живошкомъ !
 „О, що бо пы, Ивасю, робышь ?
 Мовъ, справди, вже сыдѣть не зна !
 Нащо, пакы, така мана ?
 Нащо, пакы, мене морочышь ?
 — „ Да Богъ же Мыну, мынѣ, вбый !
 Колы симъ думавъ я який
 Глумъ надъ шобою пидіймапы ! “
 Сказавъ Ивасъ; „Да що почашъ ,
 Що не вшоропаю сѣдапы ?
 Пить чомъ мынѣ не показаты ?
 Тоди бѣ, Олесю, й я умѣвъ , —
 Гарнесенько бѣ собѣ сыдѣвъ ! “
 Олеса жѣ зъ дуру шупъ и сѣла,
 Вхопывшысь гаряче за рѣчь, —
 А той мерцише — бурхъ у пичь !
 Отъ матерѣ , побѣ , й вгодыла ! . . .
 Йвасъ полимпъ зъ хапы, да на дубъ —
 Забравсь, геть, въ самый ёго чубъ . . .
 Сыдынь , а ни чычыркъ на гильцѣ . . .
 Колы , осѣ сь лепынь й змѣя , —
 И-прямо пала де мнясьця :
 Такъ склалась содухы Оленьцѣ ! . . .

Наптрискавшись до очкура,
 Глян-глянь пидь дуба и чвала . . .
 Роздѣлася ажъ до серочки,
 И — гайда гвалномъ на праву!
 Качаецця, якъ шой въ рову,
 Одъ повной ѳддирвавшись бочки . . .
 Вона кача, вона валя,
 Зъ собою въ голосъ розмовля:

„Покочуся, повалюся,
 Иваєчыного мясьця наѣвшись!“

А Ивашокъ изъ верху йй
 Такъ голосокъ й спускає свій:

„Покопшися, повалыся,
 Оленчыного мясьця наѣвшись!“

Змія слова ёго й почула;
 Сюды-шуды очмы зорыць —
 Бигъ дасць! А далѣ-зыркѣ! сыдыць!
 Якъ куля кѣ ёму полынула . . .
 Ну гризпы дубѣ, кусаць, ревьць . . .

Да ба! Зубамы не звалышь! . . .

Тоди внять коваля згадала,

Який їй голосокъ зкувавъ

И якъ Ивася винъ піймавъ;

Не гаясь къ ёму почвалаала;

„Ковалю - ковалю! зкуй зубы

Залѣзныи, а мѣдны губы;

А по, якъ не зкуешъ млынъ, —

Зпечу тебе въ оцимъ огнѣ!“ . . .

Опять коваль за ѡбценькы, мѣхъ:

Зибравъ челядныкивъ усѣхъ;

Працюють, бѣдны, молошамы:

Одынъ - ѡдынъ зубъ, другый - другый,

А майсперь-самый коренный;

Насыму вправымысь зъ зубамы! . . .

И отъ лешышь, права шумышь;

Ни живъ, ни мертвъ, Ивась сыдышь . . .

Вона грызе, а винъ сумуе,

Гада, небижъ, якъ бы спасысь,

Якъ зъ гаспыдомъ бы розійшысь,

А по теперь, навпрямъ, зплюндруе...

Изъ ропту пѣна такъ и скаче ;
 Надъ головою воронъ кряче ;
 Дывысь — на деревѣ повысла ,
 Клубкомъ кругъ ёго обвылась ,
 Якъ па жабыще надулась
 Опъ половину перегрызла
 Опъ дубъ, глянъ, хылыцыця на бикъ...
 Ага, ага ! Ащо ? Чы впикъ ? . . .
 Осё-сь я доберусь до тебе ! . . .
 Вже жъ вѣтвсь въ печинкы ты мыть !
 Бачъ — побѣтвъ !... Ану, къ землѣ !...
 Гибъ миръ ! Мерщій ! Спрыбай видъ себе ! "...

Колы , опъ гусы и лешаць
 Давай ихъ жалибно прохатъ :
 „Гусы-гусы , гусынята !
 „Визьмиць мене на крыляпа :
 „Несить мене до башенька ,
 „А въ башенька - ѣспы - пыпы
 „И хороше походышы ! “ . . .

— «Хай задній,» — воны гергечушь, —
 «Тебе берушь! « Винъ къ имъ, а пѣ

Сказали тежъ, що й першы всь.
 Такъ часто й люды намъ менечуць.
 Хоть пропадай тобъ зъ бѣды, —
 А помочы одъ ихъ не жды!
 Буває Йвасевого гиршѣ
 И скибочкы въ рукахъ нема,
 А кожый по шиямъ займа!
 Оддався бъ чоршу, абы инше! . . .

Ни! неборакъ нашъ не загинувъ: —
 Їго задрипаны взяли, —
 Къ опцевъ, мацыцъ понесли;
 А дубъ объ землю гуркь-и гримнувъ! . . .
 Змія къ ёму. . . — эге! Шукай! . . .
 Теперъ якъ й звали — помынай! . . .

Говорять, що вона одъ сѣго
 Въ такій поди була журьбъ,
 Що смерть накликала собѣ.
 И носе! — хто бажа чужого! . . .
 А Йвась до дому прыметъвъ,
 Якъ дѣдъ зъ бабусею дѣлыть,
 На лавцѣ, сыдъ кры-виконьця,

Гарячиѣзъ сыромѣ пирожкѣ; онъ издалъ: «
Старая совала, выпечы горшки;» а жѣ!
Жалкуючы, що въ хашѣ хдоця, арох
Ивашечка, нема теперъ: «до паркомъ!»
«Де въ Бога вини!» — «Аде? Умеръ!»
Спаренькѣзъ сердцемъ видмовляе: «
И зве ин до! пирожки;» онъ бѣжѣвъ
«Ой, ни, старый! Вицѣськѣ! нести!»
Мынѣ серденько промовляе: «

— «Чы жывь, чы ни! на бувр'шакый!..
Дасць Бигъ — въ насъ буде и другый!..
Иды-жъ-иды, щобъ не просцымы!..
Оце тобъ, а це мынъ!..
А Йвась въ вѣкно: „А це жъ мынъ?..
— «Що, шамъ? — „Тоймышы запо-
рымы!..
“

Але ! Шо прымуща, дильница, ош
То впяць. Ивась имъ и крычыть,
»Якъ хочь, спара: мынь корпышь ;
»Пипы собъ ще подывишь ! «
И пилькы, що у двери - ниль !
Пиднявся зусиль гусыный крыкъ ! . .

Давай винь тута ихъ гаяны . . .

Колы - гулькь пидь викно! — Ивась !

»Ой сыночку! Де ты узявсь ? . . .

»А мы збиралысь поминашы «

Тутъ порядку винь розказавъ;

Въ яку халепу бувъ попавъ ,

Якъ налешѣлы гусыняпа,

Якъ винь моливъ себе узяпъ ,

Якъ рвалася змѣя достапъ ,

И якъ винь сѣвъ имъ на крыляпа . . .

За сее дѣдъ и баба ихъ

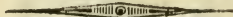
Глядяпъ немовъ дѣтей своихъ :

Овесъ, пшыныцю, гречку носяпъ

Самы жъ зъ сынкомъ своимъ живушъ :

Кохуюцьця и хлѣбъ жують ,

Да посполомъ добро, знай, возяпъ . . .

П О М Ы Л К Ы.

Напечатано :

А преба :

Стран. стр.

XV	12	гуспыною	хуспыною
XIX	10	зъ кимъ-сь	зъ кымъ-сь
8	12	Царевъ	Цареви
4	20	на печѣ	на печи
8	1	по Царевъ	по Цареви
17	13	ничего	ничого
18	12	Послѣдню	Послѣдню
23	3	Пановъ	Панови
27	12	идепъ	идешъ
29	9	на вѣки	навѣки
31	21	На вѣки	Навѣки
37	3	Нашъ	Нашъ
38	3	въ ковышкѣ	въ кошыкѣ
44	6	половину	половину
45	11	Къ опцевъ	Къ опцеви

